

А. В. Сосипатрова

Кемерово, Россия

ИСТОРИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ИСТОЛКОВАНИЯ ТЕРМИНА «КОРРУПЦИЯ»

АННОТАЦИЯ. *В данной статье эксплицируется метафорическая природа термина «коррупция», а также представляется обзор метафор, участвующих в осмыслении феномена коррупции в разные исторические эпохи и в современной политической действительности России. Материалом исследования являются современные тексты СМИ в период 2000–2014 гг. («Комсомольская правда», «Наука и жизнь», «Эхо» и т.д.).*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: термин, концептуальная метафора, коррупция, юридический дискурс, дискурс СМИ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Сосипатрова Алена Викторовна, студент 1 курса магистратуры по направлению «Филология», Кемеровский государственный университет.
Адрес: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6.
E-mail: alena_cognitiv@mail.ru*

A. V. Sosipatrova

Kemerovo, Russia

HISTORY OF METAPHORICAL INTERPRETATION OF THE TERM "CORRUPTION"

ABSTRACT. *The article studies the metaphorical nature of the term "corruption" and represents a review of metaphors used for interpretation of the phenomenon of corruption in different historical epochs and in the modern political reality of Russia. The research is based on the analysis of modern mass-media texts of the period between 2000 and 2014 («Komsomolskaya Pravda», «Nauka i Zhizn», «Echo», etc.).*

KEY WORDS: *term, conceptual metaphor, corruption, legal discourse, mass-media discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sosipatrova Alena Viktorovna, First Year Master's Degree Student in the Field of «Philology», Kemerovo State University.*

Метафора активно функционирует в разных видах научного дискурса, однако при этом отношение к метафоре в научном тексте не всегда было однозначным и варьировалось от ее полного неприятия до отведения метафоре основополагающей функции в постижении истины. Действительно, метафора позволяет сделать изложение основных научных постулатов более эффективным, проводя аналогии между неизвестным и известным, абстрактным и конкретным, дает возможность наглядно представить новые научные концепции [Кондратьева 2014: 50]. Тем не менее, данный тезис не распространяется на научную терминологию, традиционно термину предписывается иметь строгую, однозначную формулировку и являться «точным обозначением определенного понятия какой-либо области техники, искусства, общественной жизни и т.п.» [Евгеньев, Разумников 1985: 357]. В отличие от слов общеупотребительной лексики, которые часто являются многозначными и эмоционально-окрашенными, термины должны быть однозначны и лишены экспрессии. Однако не всегда современная терминология соответствует данному требованию.

Осознание метафоричности терминов различных наук, а затем и тесной связи процессов метафоризации и терминопорождения привело к тому, что в современной науке появились исследования, сосредоточенные на анализе метафорической специфики терминов различных наук, например, медицины [Зубкова 2008], математики [Целищев, Силантьев 2010] и т.д. Исключением не стали и гуманитарные дисциплины, в которых, однако, метафора имеет свою специфику. Если в естественных науках за каждым метафорическим наименованием стоит формула, прямо называющая объект и предполагающая единственно правильное решение (*черная дыра, звездная колыбель, порция света* и т.д.) то в гуманитарном знании «сущность того или иного явления или процесса, которые выражает метафора, может иметь различный смысловой контекст, то есть быть интерпретируемой» [Мирошниченко 2009].

В науке уголовного права проблема строгости терминологи-

гической базы имеет особое значение, поскольку уголовно-правовые нормы определяют меру дозволенного поведения человека и устанавливают санкции за нарушение этих норм, а также «смысловая определенность норм уголовного закона имеет непосредственное значение для квалификации преступлений» [Марчук 2007: 224].

Одним из значимых терминов в современном праве является термин «коррупция», имеющий метафорическую природу и являющийся многозначным. Данная статья посвящена описанию истории данного термина и анализу его метафорических репрезентаций в юридическом дискурсе и дискурсе современных СМИ.

В настоящий момент в юридической практике отсутствует единое определение термина «коррупция». Трудность выработки единого определения заключается в самой сущности феномена коррупции, которая является одновременно и уголовно-наказуемым преступлением и негативным социальным явлением, также в рамках прикладной юридической психологии рассматривается психология коррупционного поведения [Журавлев, Юревич 2012] и т.д. Таким образом, феномен коррупции в науке рассматривается с разных точек зрения и, следовательно, получает множество интерпретаций. В такой ситуации человеку и нужна метафора, с помощью которой можно выразить целый диапазон смыслов в одном конкретном образе.

В разные эпохи развития общества термин «коррупция» подвергался метаморфозам и «обрастал» новыми метафорическими смыслами. Так, например, в римском праве термин «*concupere*» имел значение «разламывать, портить, повреждать, обесчестить девственницу, но в тоже время и подкупить судью» [Богущ 2004: 17]. В средние века вследствие реформы латинского языка существовавший термин «*katalysis*» (от греч. разрушение, разложение, уничтожение) был заменен на латинский термин «коррупция». Прилагательное «*corruptibilitas*» означало бренность человека, подверженность человеческого тела разрушению, но отнюдь не взяточничество.

Изучая происхождение латинского термина «*corruptio*», Г. К. Мишин пришел к заключению о том, что данный термин происходит от двух корневых слов «*сог*» (сердце, душа) и «*ruptum*» (портить, разрушать, развращать) [Мишин 1991]. Поэтому, исходя из этимологии слова, сущность коррупции не в подкупе и продажности должностных лиц, а в разрушении целостности

объекта, в том числе и государственной власти. А также данное определение актуализирует морально-нравственную составляющую семантики термина, поскольку говорится уже не о разложении физической целостности, но о разрушении духовного начала в человеке.

В эпоху Нового времени наметилась тенденция в истолковании природы коррупции посредством обращения к понятийной сфере «медицина». Еще Никколо Макиавелли сравнивал коррупцию с болезнью, например с чахоткой, указывая, что ее также вначале трудно распознать, но легче лечить. Если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно [Макиавелли 1989: 78–79]. На изменение отношения к коррупции повлияло активное экономическое развитие и рост капитализма в Европе, в результате которого коррупция стала восприниматься как признак «больного» общества.

На русской почве еще со времен Древней Руси наметилось понимание коррупции как незаконного вознаграждения, подкупа наместников и т.п. Первое упоминание о посуле отражено в Двинской уставной грамоте XIV в. (1397–1398 гг.): «А съ самосуда четыре рубли; а самосудъ той, кто, изымавъ татя с поличнымъ, да отпустить, а собгъ **посуль** возьметъ, а Намгъстники довьдаются по заповгди, ино той самосудъ; а опрочъ того самосуда нгтъ» [Карамзин 1852: 157–159]. Таким образом, сильнейший импульс для развития коррупции в России дала система кормления, на основе которой содержались наместники, активно злоупотреблявшие своим служебным положением.

В некоторых славянских языках (например, в сербском) «коррупция» понималась как «взятка», глагол «корумпирати» переводится как «подкупать, давать взятки», а прилагательные буквально означают «подкупной, продажный». В русском языке коррупция также определялась как подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей [Ожегов 2010: 250].

Однако поскольку данный термин имеет латинское происхождение и богатую историю, за ним неизменно влекутся все метафорические смыслы, существовавшие в разные исторические эпохи. Многообразие определений термина «коррупция» отражено в современных словарях: 1) совращение, подкуп; 2) порча, упадок; 3) извращенность, превратность; 4) расстройство, расшатанность, плохое состояние здоровья [Дворецкий 1976: 220]. Из данной словарной статьи видно, что каждое из значений отсылает к одному из рассмотренных исторических

этапов эволюции понимания феномена коррупции. Так, первое и основное значение коррупции как подкупа восходит к древнерусскому ее пониманию; второе значение – к латинской традиции, где главным признаком считалось именно разрушение того или иного объекта; третья дефиниция коррупции как извращенности и аморальности действий, относится, скорее всего, к римскому праву, в котором одно из значений коррупции отсылает к сексуальному насилию над девственницей; и четвертое определение – к эпохе Нового времени с ее представлениями о «большом» коррумпированном обществе.

Причины становления метафоры коррупции пытался определить Д. В. Мирошниченко, говоря о том, что косвенный тип ассоциации и образованная с помощью него метафора есть те языковые средства, которые явились основаниями для метафорического восприятия коррупции как процесса разложения власти и смещения термина «коррупция» в область абстрактных понятий.

Иллюстрируя свою точку зрения, Д. В. Мирошниченко выделяет прямые ассоциации, которые связаны с буквальным, прямым значением слова коррупция: «на примере такого распространённого значения коррупции, как «разложение», могут быть следующие прямые (предметные) ассоциации: разложение тела; разложение механизма», и выделяет косвенные ассоциации, связанные с восприятием переносного, собственно метафорического значения слова: «так, словосочетание “разложение власти”, путем сопоставления с реальным процессом разложения создает образ власти слабой, не способной управлять, в моральном отношении деградировавшей». Это повлияло на современное восприятие коррупции, поскольку «теперь, когда мы говорим о коррупции власти, мы говорим о ее губительности, разложимости, упадке, то есть по существу коррупция стала исполнять *роль метафоры* (выделено нами. – А.С.), она стала означать негативные процессы, происходящие с властью» [Мирошниченко 2009].

Таким образом, историческое формирование семантики термина «коррупция» предопределило современное метафорическое восприятие данного явления. Особенно ярко это проявляется в языке средств массовой информации, который отличается своей эпатажностью и образностью, поскольку конечной целью дискурса СМИ является привлечение внимания народа к социальным изменениям и явлениям в стране, а также воздействие на аудиторию.

Например, широкое распространение в современных СМИ при характеристике феномена коррупции получают **морбиль-**

ные метафоры, создающие представление о коррупции как о серьезной болезни российского общества: **Коррупция – это язва, это болезнь, подрывающая любое общество изнутри** («Эхо», 2013). Причин, вызывающих «болезнь» государства достаточно много, однако при описании действия коррупции особенно актуализируется признак органического разрушения и разложения «тела».

При использовании в СМИ для репрезентации феномена коррупции **метафор вещества** метафорическое переосмысление получают слова, обозначающие металлы и фазы их существования. Ржавчина как определенная фаза существования металла характеризуется как что-то разъедающее, мучащее государственные структуры и реализует признак разрушительного воздействия: **Коррупция – ржавчина, раковая клетка, которая поражает весь организм изнутри** («Комсомольская правда», 2010).

Сексуальная метафора репрезентирует коррупцию как продажную любовь: – **Мне кажется, коррупция намного древнее даже той профессии, которая считается древнейшей** («Наука и жизнь», 2009). Основанием для метафорической экспансии послужили такие значимые свойства, как отказ от своих нравственных установок ради получения выгоды, извращенность и превратность коррупционного поведения, а также укоренившийся, длительный характер этого явления.

Таким образом, в современной массовой коммуникации при характеристике феномена коррупции активно используются различные метафоры, выявляющие значимые признаки данного явления, но в целом работающие на создание крайне негативного образа российской коррупции. Все метафоры так или иначе связаны с метафорической природой данного термина и являются реализацией одного из исходных значений данного слова. В частности, морбиальная метафора восходит к восприятию коррупции как болезни, метафора вещества – коррупции как разрушения, распада, сексуальная метафора – коррупции как продажности. Однако необходимо понимать, что это обусловлено не только спецификой языка СМИ, но и самой метафорической природой термина «коррупция», а также отсутствием ее строгого и единого терминологического определения в науке уголовного права.

ЛИТЕРАТУРА

Богуш Г. И. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней : дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. – М., 2004. 194 с.

Дворецкий И. Х. Латино-русский словарь. Изд. 2-е. – М. : Русский язык, 1976. 10096 с.

Евгеньев А. П., Разумников Г. А. Словарь русского языка в 4-х томах Изд. 4-ое, стереотипное. Т. 1. – М. : Русский язык, 1985. 2984 с.

Журавлев А. Л, Юревич А. В. Психологические факторы коррупции / А. Л. Журавлев, А. В. Юревич // Прикладная юридическая психология. – М., 2012. № 1. С. 8–21.

Зубкова О. С. К проблеме функционирования медицинской метафоры – термина в медицинском дискурсе [Электронный ресурс] / О. С. Зубкова. Режим доступа: URL: http://www.rusnauka.com/8_NIT_2008/Tethis/Medicine/27661.doc.htm.

Карамзин Н. М. Примѣчания к истории государства российскаго / Н. М. Карамзин // Уставная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле. – СПб., 1852. Т. IV–VI. С. 157–159.

Кондратьева О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XX–XX вв.) : дис. ... д-ра филол. наук. – Кемерово, 2014. 404 с.

Макиавелли Н. Избранное. – М. : Худож. лит., 1989. 530 с.

Марчук В. В. Терминология уголовного закона и квалификация преступлений / В. В. Марчук // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 18. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2007. С. 224–238.

Мирошниченко Д. В. Проблема метафорической сущности понятия «коррупция» в науке уголовного права. – Саратов : Саратовская государственная академия права, 2009. 1–2 с.

Мишин Г. К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. Лекция / Г. К. Мишин. – М. : Акад. МВД СССР, 1991. 34 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – М., 2010. 928с.

Целищев В. В., Силантьев И. В. Метафорическое представление математического знания / В. В. Целищев, И. В. Силантьев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – Новосибирск, 2010. Т. 8. Вып. 4. С. 5–20.